

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

DOI: 10.17805/zpu.2017.2.4

Пределы парадигмы индивидуальности

Т. А. ГОРЕЛОВА

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В статье рассматриваются тенденции развития индивидуальности в современном обществе. Автор исходит из двух смыслов понятия «индивидуальность». В первом смысле это механизм, способ, возможность осуществления действия, во втором — совокупность особых качеств и свойств, которые отличают одного человека от другого. Индивидуальность как механизм существования современной личности подвержена воздействию расщепляющих тенденций. Человеческая индивидуальность, распадаясь, проявляет недоброкачественные обломки «невоссоединенного» целого — инстинктивную агрессию, отвлеченную чувственность и отвлеченную рациональность. Прилив агрессии связан с тем, что перестает действовать духовная система запретов; рациональное освобождение разума ведет к его превращению в «циничный разум»; следствием отвлеченной чувственности являются неконтролируемые воля к власти, потребительство и сексуальность. Распад ядра индивидуальности в отношениях с другими людьми проявляется как невротическая расщепленность, а в культуре исчезновение системы ценностей и дробление, смешение жанров приводит к полному исчезновению культурных сфер.

Во втором смысле понятие индивидуальности близко понятию «личность». Вслед за А. Маслоу автор предполагает, что личность формируется набором ее потребностей, так как в процессе их удовлетворения меняются мировоззрение, способности, эмоциональная реакция. И поэтому «пирамида потребностей», включающая шесть уровней — физиологический, экзистенциальный, социальный, престижный, духовный, уровень метапотребностей, может стать основой структурирования индивидуальности. Соотношение общего и индивидуального на каждом уровне — динамическая характеристика, поскольку она чувствительна к внутренним и внешним влияниям. Просматриваются две тенденции, говорящие о росте индивидуальной составляющей по сравнению с общей. Первой тенденцией этой динамики является рост индивидуальных качеств на всех уровнях, поскольку в процессе социальной эволюции человека наблюдался рост разнообразия внешних условий его жизни. Вторая тенденция индивидуализации действует внутри системы личности: от нижнего, физиологического уровня к верхнему, духовному уровню доля индивидуального возрастает как в потенции, так и в реальности.

Структура уровней личности позволяет увидеть эволюционный аспект динамики индивидуальности. Механизм ее эволюции проявляется в виде двух стадий — развития и утверждения индивидуальности. В этом механизме выражается стремление человека к превращению его индивидуальности в закономерность в ее идеальной форме вечной законности (подобно механизму, действующему в эволюции природы).

Ключевые слова: человек; индивидуальность; личность; инстинктивная агрессия; отвлеченная рациональность; отвлеченная чувственность; пирамида потребностей; развитие; эволюция

ВВЕДЕНИЕ

В современной культуре понятие индивидуальности тесно связано с такими понятиями, как «человек», «личность», «самость». Человек — самое широкое из них, так как включает все природные свойства представителей вида *Homo sapiens* (в узком смысле это то, что отличает человека от животных). Тогда индивидуальность предстает как природная сущность, данная в конкретном разнообразии и включающая разные пласты — от телесного до духовного. Сложнее линия, разграничивающая понимание личности и индивидуальности. Мы понимаем личность как конкретный субъект, который обладает набором природно-индивидуальных свойств. Таким образом, личность — это действующий субъект, индивидуальность — это механизм, способ, возможность осуществления действия, а природа человека — источник энергии действия. Такое понимание шире предлагаемого психологией варианта: «Если личность — это определенность позиции человека в отношениях с другими людьми, то индивидуальность — это определение собственной позиции в жизни» (Слободчиков, Исаев, 1995: 353). В понятии «личность» есть некоторая механистичность, ведь всякая личность (в соответствии с первоначальным смыслом слова *persona*) — это маска, личина, одеваемая добровольно или под влиянием внешних обстоятельств, тогда как индивидуальность предполагает максимальную искренность, по крайней мере по отношению к самому себе.

Еще одно понятие, применяемое для характеристики конкретного человека, «самость» (от англ. *self* — сам), так же, как личность, имеет оттенок действия, но характеризует скорее самозамкнутую систему. Можно согласиться, что в такой трактовке индивидуальность предстает как «прорыв на границе самости, выход на границы вечного, вселенского, универсального» (там же). И хотя у вечности и универсальности нет границ, авторы правы в том, что «самость» — более узкое понятие, чем понятие индивидуальности, и более эгоцентрическое по сравнению с личностью.

Таким образом, человеческое «Я» предстает как обладатель: оно обладает личностью, оно владеет индивидуальностью, в нем присутствует биологическая природа. «Я», как утверждал Р. Штайнер, одновременно и Единственный, и его собственностью — собственник выразимых свойств и качеств, и в то же время — тайна.

В данной статье рассматриваются современные тенденции динамики индивидуальные, понимаемой в двух указанных выше смыслах — как совокупности особых качеств и свойств, которые отличают одного человека от другого, и как механизма, способа, потенциала реализации своеобразия человека.

РАСЩЕПЛЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Понятие индивидуальности восходит к лат. *individ* (неделимый). В то же время история метафизики индивидуального скорее свидетельствует в пользу того, что это последнее сложно и многомерно (Горелова, 2017). Для описания подобных структур естествознание применяет системный подход, который предполагает структурирование интересующего понятия (или объекта) на основании определенных критериев. К главным признакам системы можно отнести то, что она: состоит из элементов (1); которые взаимодействуют между собой (2); имеют границу с «окружающей средой» (3); она обладает свойствами, которых нет у отдельных элементов, — эмерджентностью (4).

Индивидуальность имеет системный характер хотя бы потому, что ее образует не универсальная совокупность качеств, каждое из которых повторимо, а целостная, системная способность к самодеятельности. Куча камней не индивидуальна, хотя она может иметь оригинальную форму. Переход к системному подходу свидетельствует

о переоценке значимости метафизики индивидуального по отношению к метафизике общего. Понятие системы лучше отражает индивидуальность, так как признает эмерджентность ее свойств по отношению к элементам, из которых она состоит. Эмерджентность системы индивидуальности выступает как свобода воли, которой нет у отдельных сторон и качеств индивидуальности, а только у личности как целостного действующего субъекта. Индивидуальность предстает как объективность, поскольку существует реально, но она же субъективна, так как является слепком объективного. Понимание индивидуальности поэтому всегда находится на грани познания (как это присуще естествознанию) и истолкования (как это происходит, например, в гуманитарных науках).

Имея в виду эти признаки, рассмотрим понятие индивидуальности в смысле отдельного человека, личности. Еще Августин Блаженный видел в структуре «Я» три элемента — бытие (чувства), разум и волю. Единство и взаимодействие этих составляющих формирует духовный мир отдельного человека, т. е. отдельное сознание не сводится только к разуму, или чувству, или воле. Этот мир, по Августину, не разрушается одиночеством, и ему не грозит внутреннее самоотчуждение, потому что его скрепляет вера в Абсолют. Это же имел в виду выдающийся философ XX в. К. Ясперс. Он утверждал: «...люди обретают друг друга во всеобъемлющем духе, который полностью не открывает себя никому, но вбирает в себя всех. С наибольшей очевидностью единство находит свое выражение в вере в единого Бога» (Ясперс, 1994: 267).

Правоту Августина подтверждают процессы, происходящие с человеком в XX в. В результате тотального «разбожествления» (К. Ясперс) целостный дух человека распадается и возникает ощущение никогда ранее не испытываемого цивилизацией внутреннего дробления и рождающейся отсюда пустоты бытия. Склонность к такому расщепленному мировидению заложена в природе человека как существа разумного. «Человек расщеплен в глубине своей сущности. Как бы он ни мыслил себя, мысля, он противостоит самому себе и всему остальному» (там же: 378). «Природной тяге» к расщеплению человек всегда противопоставлял сознательно создаваемые духовные конструкции, способствующие единству как отдельного сознания, так и культуры в целом. Такими конструкциями были духовные отрасли культуры, эволюционно возникающие по мере изменения духа человека: мистика, искусство, мифология, философия, мировые религии, наука. Построение индивидуальности вне божественного духовного поля становится риском, потому что неудача грозит распадом и пустотой. «Только в качестве возможности самобытия он (человек) ищет в воле своей судьбы выходящий за пределы всех расчетов риск, чтобы достигнуть бытия. <...> Однако как не допускающее подчинения оно (бытие) обратится против тех структур, которые хотят его уничтожить» (там же: 324). Возникающее противоречие между поиском себя и противодействием существованию, по сути, неразрешимо в рамках современного понимания человека. В ситуации, когда «Бог умер», нет незримого скрепляющего начала, дух человека начинает распадаться, и мы видим недоброкачественные обломки «невоссоединенного» целого — *инстинктивную агрессию, отвлеченную чувственность и отвлеченную рациональность* (Горелов, Горелова, 2004).

Первым, самым глубинным, но и самым зримым обломком расщепленной индивидуальности является инстинкт агрессии. С точки зрения современного естествознания агрессивность присуща человеку, как и другим животным, и понимается как основной инстинкт. Но у высших животных агрессия инстинктивно же уравнивается ее торможением, эгоизм индивидуального существования находится в гармонии

с альтруизмом, возникающим в сообществе. У человека это равновесие нарушено. Мышление дало человеку господство над всеми окружающими видами, изменив направление его агрессии внутрь собственного вида. По мнению выдающегося ученого XX в., создателя новой науки о поведении — этологии К. Лоренца, одна из функций культуры — формирование системы запретов в отношении агрессии против соплеменников и природы. Наше время подтверждает, что «неполадки» в культуре сразу вызывают прилив агрессии, так как перестает действовать духовная система запретов. Усиление агрессии в современной культуре можно считать «архаизацией» в том смысле, что человек опускается к самым низким слоям своей природы. Таким образом, рост агрессии становится первым следствием бездуховности современной культуры.

Вторым ее следствием становится не только возврат к примитивным формам сознания вроде мистики и мифа, а его распад. Слабый дух распадается на отвлеченную рациональность, не способную к целостной духовной деятельности, и отвлеченную чувственность, лишенную души. Даже расщепляясь, они остаются функционально родственными: их роднит сходное отношение к окружающему — бездуховность смотрит на все вокруг как на лишенное духа, бездушность — как на лишенное души; видит объекты, которые могут стать предметами вожделения или стороннего познания; которыми можно наслаждаться и управлять, но которые не являются субъектами любви. Отвлеченный рационализм формирует среду для отвлеченной чувственности, а та стремится использовать в своих интересах разум. Их склонность к взаимодействию никогда не рождает органической целостности, но лишь рядоположенность двух обломков расщепленной личности: человек одновременно и бездуховен, и бездушен.

Такое состояние сознания современной культуры П. Слотердаек удачно назвал «циническим разумом». Оно проявляется как постоянное производство недоверия начиная с эпохи Просвещения. «Если обманывающий священник или носитель власти — это изощренный ум, т. е. он является представителем господского цинизма, то просветитель в противоположность ему выступает как метациник, как носитель иронии, сатирик. <...> Просвещение приводит к постоянному упражнению в недоверии, которое стремится превзойти обман, постоянно испытывая подозрение» (Слотердаек, 2001: 124). Распространение принципа недоверия на все области жизни приводит к тому, что убийственная историко-философская критика Библии выводит сознание человека из области Абсолюта; а относительность метафизического познания приводит к тому, что казавшееся «истинным познанием» становится самообманом («Метафизические альтернативы... оказываются неразрешимыми: детерминизм либо индетерминизм, конечность либо бесконечность, существование Бога либо несуществование, идеализм либо материализм... оба варианта всего лишь отражают структуру разума, оказывается, что и делать выбор нельзя» (там же: 138)); первоначально направленное против фарисейства христианство в современной церкви становится пародией государства и «в баснословных масштабах превращается в аппарат принуждения»; бегство в откровенность («прозрачность») бессознательного превращает анализ себя в разновидность спорта, что ведет к холодной бесчувственности и безудержному распространению инфантилизма (там же: 142). Рациональность современного человека оказывается зажатой между прислушиванием к изощренному доносительству «любимого Я» и самореализацией как эгоизмом. Закрытый индивидуализм рождает «страх перед свободой» (Э. Фромм) и нежелание рискнуть своей жизнью, чтобы строить духовную индивидуальность. Таким образом, рациональное освобождение разума в конечном счете ведет к его «схлопыванию» — бесплодности и инфантильности.

Основными формами проявления отвлеченной чувственности как следствие бездуховности бытия современного человека являются воля к власти, потребительство и сексуальная революция. Воля к власти — это самая сильная форма проявления отвлеченной чувственности у человека, отказавшегося от творчества и любви, но не переставшего желать, чтобы его любили. Одна из главных причин, почему расщепленный человек стремится повелевать, заключается в его неуверенности в том, что другой вообще способен его полюбить, тем более по собственной воле, и что сам он достоин любви.

Воля к власти над другими порождает другой феномен отвлеченной чувственности — потребительство, такое состояние человека и общества, когда желание иметь преобладает над желанием быть. В современном обществе потребления духовное потребление приобретает размах «культурного капитализма» (Дж. Рифкин). «Культурный капитализм» сделал «товаром различные культуры, исторические эпохи, стили жизни, образы событий, явлений, персонажей, а также пропаганду, рекламу, образование, массовую культуру и массовые акции. Культура превращается в продукт массового потребления» (Макаревич, Карпухин, 2016: 141).

Жажда приобретательства, как и воля к власти, модифицирует само отношение к индивидуальности. Она становится социально невостребованной, более того, общество стремится ее уничтожить, потому что над нею нельзя властвовать и ее нельзя потреблять. Овеществленный, обезличенный, массовый человек теряет внутреннее ощущение полноты и радости жизни. Сферы материального потребительства и избыточных чувственных наслаждений становятся для него отдушинами от чрезмерно формализованной жизни. Обратной стороной растущего потребления становится экологический кризис, ставший очевидностью в середине XX в. Он подкрался незаметно и был осознан в эпоху уверенного господства человека над природой. Помимо прямых потребительских причин кризиса, безусловно, существует связь между загрязнением природы и загрязнением человеческого тела и души: внутренний распад человеческого духа провоцирует гибельный распад природы.

Эпоха сексуального освобождения, провозгласившая максимум сексуальности и минимум воспроизводства, быстро исчерпывает себя в исчезновении сексуальности. «Когда секс присутствует во всем, теряется иммунитет, стираются половые различия и тем самым исчезает сама сексуальность» (Бодрийяр, 2012: 16). Пророчество Бодрийяра подтверждается современной тенденцией роста глубинной неудовлетворенности полом, проявляющейся в гомосексуализме и трансвестизме. Таким образом, расщепленность уже затронула биологическую основу бытия человека — его половую самоидентификацию. Состояние души трансвестита становится основой жизни любого индивида: тот больше не ищет свою тождественность ни в детских воспоминаниях, ни в планах, ни в будущем. Человек больше не говорит себе: «Я существую», но утверждает: «Вот он я — на моем селфи!»

Распад ядра индивидуальности в отношениях с другими людьми проявляется как невротическая расщепленность — неспособность человека осознавать свои внутренние конфликты, делать осознанный выбор и брать за него ответственность. Последствия неразрешимых внутренних конфликтов хорошо исследованы психоанализом. Это и нагромождение страхов, провоцирующее отчуждение человека от мира и самого себя. Это также обеднение личности: «Когда человек в своей основе разделен на части, он никогда не может целиком отдать свои силы чему-либо» (Хорни, 1995: 115). «Энергетическое обеднение» личности, по Хорни, проявляется как нерешительность, веду-

щая к бесплодности усилий, что в конечном счете выражается в невротической инерции, парализующей инициативу и действия. Психологическое расщепление ведет к расщеплению «в вопросах морального характера, то есть в моральных принципах и всех чувствах, отношениях и формах поведения, которые затрагивают связи человека с другими людьми... — пишет он. — Характерными чертами разрушения нравственной цельности являются уменьшение искренности и возрастание эгоцентризма» (там же: 120, 121). Наш нелюбовный век является также веком беспредельного лицемерия: притворная любовь, притворная доброта, притворная тяга к знаниям, притворная честность пронизывают все сферы жизни от семьи и школы до бизнеса и политики. И в центре «сетей» притворства вместо индивидуальности — эгоцентричное существо, использующее других как средство для осуществления своих целей, а в случае неудачи склонное к явным проявлениям агрессии или, напротив, погружающееся в глубокую депрессию.

Расщепленность индивидуальности порождает расщепление культуры. Состояние культуры ярче всего тестируется в системе ценностей. По определению Ж. Бодрийяра, современную стадию культуры можно назвать фрактальной, вирусной или стадией диффузии ценностей. «Строго говоря, здесь уже не следовало бы прибегать к самому понятию ценности, поскольку такое дробление... делает невозможным какое-либо исчисление и оценку <...> мы сталкиваемся с ситуацией, аналогичной той, что имеет место в физике микромира: провести расчеты в терминах прекрасного и безобразного, истинного и ложного, доброго или злого так же невозможно, как вычислить одновременно скорость частицы и ее положение в пространстве» (Бодрийяр, 2012: 10–11). Дробление, взаимное заражение, смешение жанров приводит к полному исчезновению культурных сфер. «Так, секс теперь присутствует не в сексе как таковым, но за его пределами, политика... затрагивает все сферы: экономику, науку, искусство, спорт. <...> И спорт уже вышел за рамки спорта — он в бизнесе, в сексе, в политике, в общем стиле достижений» (там же: 15). В информационный век знание становится информацией, т. е. мнением (в аристотелевском смысле). Информация дробится, перемешивается, субъективно компануется и преподносится под именем истины. Когда символы и знаки освобождаются от идей, их порождающих, от своей сущности и ценности, они «вступают на путь бесконечного самовоспроизводства. Все сущее продолжает функционировать, тогда как смысл существования давно исчез» (там же: 12). Уже изобретено слово, которое отражает современное понимание истины, — после-истина (англ. *post-truth*). В обществе постмодерна все становится «пост» — истина, ценность и в конечном счете сам человек. Если избыточное знание безразлично рассеивается по поверхности земного шара, превращаясь в теряющую структуру гомогенную информационную пену, то сами научные открытия грозят превратить и всю планету в пену. Ближе всего к такому сценарию подошла биология с ее возможностями клонирования, создания организмов с искусственным генотипом, сборки искусственной клетки. Еще немного — и случайно созданный микроорганизм, свободно разлагающий все живое до органических молекул, может превратить биосферу в «органическую пену».

Наиболее явная связь между расщеплением человека и расщеплением культуры прослеживается в развитии искусства. «Судьба искусства, судьба современного мира — одно. Там и тут бездуховная сплоченность всего утилитарного, массового, управляемого вычисляющим рассудком, противопоставляется распыленности личного начала, еще не изменившего духу, но в одиночестве, в заблуждении своем — в заблуждении не

только разума, а всего существа — уже теряющего пути к целостному его воплощению» (Вейдле, 2011: 400). Под «распыленностью личного начала» Вейдле понимал такое состояние, когда художник, познавая себя и выражая свой внутренний мир, «одновременно отдавал себя, ибо внутренний мир его принадлежал не только ему» (там же: 307). Современный художник в глубине индивидуальности остается творцом, а значит, по-прежнему призван отдавать себя. Но вся система воспитания, образования и социальной жизни направлена на то, чтобы подавить его способность «отдавать себя». «Борьба за сохранение (хотя бы и духовное) голого «я» мешает ему (художнику. — Т. Г.) стать личностью и раскрыться в творчестве» (там же: 303). Так возникает непреодолимый разлад между самосохранением и творческой отдачей. Самоубийственность такой ориентации художника — «прежде всякой литературы меня интересует одно: я сам» (М. Арлан) — в том, что копание в глубинах расщепленного эго не способствует открытию в себе божественного начала. По Н. А. Бердяеву, для всех форм искусства начиная с середины XX в. характерно глубокое потрясение и расчленение форм, гибель целостного человеческого образа и разрыв с природой. В начале XXI в. эти тенденции лишь усиливаются. У человека остаются две возможности: быть одинокой «монадой с заколоченным окном» (В. Вейдле) или атомом, сопряженным с миллионом его точных копий. В обоих случаях личность превращается в особь.

Расщепленность как современный кризис индивидуальности острее проявляется в западной культуре, которая остается авангардом эволюции индивидуальности даже в том случае, если эволюция становится инволюцией. Современный индивид, первоначально расщепленный на инстинкт, отвлеченную рациональность и отвлеченную чувственность и распадающийся дальше на еще более мелкие фрагменты, подобно мозаике является причудливой комбинацией внешних черт и качеств, но не целостной индивидуальностью, которая создается только на духовной основе.

«ИСТОЩЕНИЕ» ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Второе понимание индивидуальности как совокупности особых качеств и свойств, которые отличают одного человека от другого, предполагает, что индивидуальность — это качественная характеристика личности. «Лицо» человека в обществе — личность — формируется набором ее потребностей, так как в процессе их удовлетворения меняется мировоззрение, способности, эмоциональная реакция на окружающую повседневную действительность. Поскольку личность — это системное проявление человека, попытаемся структурировать ее на основе пирамиды потребностей А. Маслоу (Маслоу, 2001: 84–99), включающей шесть уровней: 1) физиологический (потребность в пище, половое влечение и т. д.); 2) экзистенциальный (спокойное существование, жизненный комфорт и стабильность); 3) социальный (общественные связи, привязанность, забота о других и внимание к себе, коллективная деятельность); 4) престижный (социально-статусный) (самоуважение, признание заслуг, достижение успеха, карьера); 5) духовный (самораскрытие, самовыражение, самоидентификация и т. д.); 6) уровень метапотребностей (потребность в смысле жизни, целостности, красоте, добре, истине, совершенстве). Следует отметить, что границы между уровнями размыты, а их взаимодействие друг с другом (как в любой системе) и создает неповторимую личность. Преимуществами такой системы характеристики личности является использование одного критерия (потребности человека), простота конструкции и внутреннее ее соответствие тенденции социальной эволюции — от родовой (биологической) формы к духовной.

На каждом уровне можно выделить общие и индивидуальные качества, характеризующие личность. Соотношение общего и индивидуального — динамическая характеристика, поскольку она чувствительна к внутренним и внешним влияниям. Просматриваются две тенденции, говорящие о росте индивидуальной составляющей по сравнению с общей. Первой тенденцией этой динамики является рост индивидуальных качеств на всех уровнях, поскольку в процессе социальной эволюции человека наблюдался рост разнообразия внешних условий его жизни (климатических, этнических, культурных и др.). На физиологическом уровне, например, на смену однообразному рациону кроманьонца пришло многоцветье современной мировой кулинарии. На экзистенциальном уровне коммунальное существование сменилось уединением собственного жилья. На социальном уровне расширение контактов человека на работе и в быту расширяет индивидуальные возможности коммуникации. На социально-статусном уровне современное открытое общество эффективнее фиксирует индивидуальные успехи и награждает их более высоким статусом. На духовном уровне широкая доступность образования и объектов культуры усиливает потребность самовыражения и самораскрытия. На метауровне сетевые технологии приблизили образцы духовных практик всех времен к каждому, стремящемуся их постигнуть. При этом парадокс самоактуализации становится все очевиднее: средний человек остается существом с непроявленными силами и нераскрытыми способностями.

Вторая тенденция индивидуализации действует внутри системы личности: от нижнего, физиологического уровня к верхнему, духовному уровню доля индивидуального возрастает как в потенции, так и в реальности. Нижние уровни задаются природой и обществом, на духовном уровне человек может действовать только сам. Так, на физиологическом уровне действует механизм, заданный природой: эгоистическая агрессия и альтруистическая взаимопомощь — два общеприродных принципа поведения, которые имеют видовую специфику и передаются по наследству. Биологическая сфера инстинктов человека, хотя и находится отчасти под контролем разума, но не во всех жизненных ситуациях. На этом уровне общее явно преобладает над индивидуальным. Поскольку этот уровень связан в основном с материальным потреблением, ограничителем телесности человека как в общем, так и в индивидуальном плане становятся природные ресурсы: индивидуальная роскошь расточает общий природный капитал.

Экзистенциальная основа человека — вечный неосознаваемый выбор между стремлением к добру и стремлением к злу. Индивидуальный осознанный выбор, соответствующий именно человеческой природе, означает выбор в пользу добра. «В проблеме свободного выбора речь идет не о том, чтобы выбрать между двумя одинаково хорошими возможностями <...> речь постоянно идет о том, решиться ли на лучшее или худшее. <...> Свобода означает не что иное, как способность следовать голосу разума, здоровья, благополучия и совести против голоса иррациональных страстей» (Фромм, 1992: 94). Здесь возникает та же проблема, что на физиологическом уровне: всегда ли выбирает индивидуальность или чаще говорит голос природы? Ограничителем на этом уровне выступают психические заболевания, которые затрудняют самокорректировку сознания. Мягкие формы психических заболеваний сейчас, по данным Всемирной организации здравоохранения на апрель 2016 г., обнаруживают у каждого четвертого-пятого жителя планеты, а к 2020 г., по прогнозам, будет болен каждый третий. Лидируют два психических расстройства — депрессия (20% взрослого населения) и тревожные расстройства (13%). Шизофрения (предрасположенность к кото-

рой доказана генетикой, обнаружившей соответствующий набор рецессивных генов) дает показатель 1% (и он не меняется за 100 лет изучения), тогда как аутизм, причины которого неизвестны, демонстрирует экспоненциальный рост. В развитых странах количество детей, которые не хотят «выйти из-за стены», увеличилось за последние 25 лет примерно в 30 раз, достигнув 1% среди новорожденных (Психические расстройства, 2016: Электронный ресурс).

На социальном уровне, который задается обществом, диапазон возможностей проявления индивидуальности — от вражды и насилия до солидарности и дружбы. Общечеловеческой основой социальных отношений, по В. С. Соловьеву, являются такие врожденные чувства, как стыд, жалость и благоговение. «Чувства стыда, жалости и благоговения исчерпывают в основе всю область возможных нравственных отношений к тому, что ниже его, что равно ему и что выше его» (Соловьев, 1988: 52). Хотя эти чувства врожденные, способность их применять, безусловно, зависит от воспитания и духовных приоритетов общества (или их отсутствия). Социальная эволюция человека порождает нарастающий парадокс этого уровня: «Выделение “человека” как особой эволюционной ветви происходит... в силу особых когнитивных требований социального поля. <...> Выходом <...> является одновременное развитие *чрезвычайной социальной зависимости и акцентированной индивидуализации...*» (Луман, 2011: 207; курсив источника. — Т. Г.). Этот парадокс достигает предельных состояний в наше время: необозримое сверхсложное общество, в котором каждый «винтик» зависит от другого, порождает крайний индивидуализм и сверходиночество.

Основой следующего, престижного, уровня является социальная конкуренция. В традиционном обществе она сглаживалась наследственной трансляцией статуса, в современном открытом обществе она явно обострилась. Порвав с Богом и отвергнув духовную сферу, человек стал понимать себя прежде всего как телесное существо, для конкурентного проявления которого остаются две возможности — уровень материального потребления и объем власти. Поскольку именно потребительство и воля к власти являются доминантами нашего времени, можно с очевидностью утверждать, что человек утратил представление о своем духе как основной характеристике индивидуальности. И он не может быть никем иным, как агрессором, ориентированным на максимальное потребление, что и видим в современных обществах потребления западного и восточного образцов.

И у античных, и у христианских мыслителей не было сомнения в единстве духовной природы человека. «Мы имеем в виду не биологическую природу или происхождение из общего корня, но человеческую сущность как единство высшего порядка. Только в виде символа можно себе его представить: в идее сотворения Богом человека по образу и подобию своему и в идее грехопадения» (Ясперс, 1994: 255). Основой духовного уровня является любовь. Уже Античность понимала различие потенциалов любви и выделяла четыре вида любви — эрос, филиа, стэрэ и агапэ. Христианство противопоставляет два вида любви: «Итак, существуют два града, которые созданы двумя родами любви: земной, т. е. любовью к себе и презрением Господа, и небесной — также любовью к себе, но доведенную до презрения к самому себе» (Антология ... , 1969: 602). В современном мире явно преобладает эрос, а для создания индивидуальности нужно агапэ.

Шестой уровень структуры личности — метапотребностей — можно назвать также духовно-преобразующим. Он проявляется как выход за пределы самости в процессе становления Человека Духовного. «Для того, чтобы быть историческим, инди-

видуум должен быть единичным, неповторимым, единственным. <...> Человек историчен только как духовное существо, но не как существо природное. <...> Такой исторический индивид открывает себя только любви и выросшей из любви силе созерцания и прозорливости (Ясперс, 1994: 249, 250). По мнению А. Маслоу, личностей такого уровня было мало во все времена (примерно 1%), но их появление является потенциалом социокультурной эволюции человека, а отсутствие говорит о кризисе индивидуальности и человечности в широком смысле слова. Население Земли превысило 7 млрд, а ни в одной из сфер современной культуры нет не только ни одного гения, но мыслителя или художника, формирующего планы будущего духовного развития человечества (за исключением сферы науки и техники, где футурологических предсказаний много).

Структура уровней личности позволяет увидеть эволюционный аспект динамики индивидуальности. Внутреннюю эволюцию человека от физического к духовному можно назвать онтогенетическим аспектом, а общее историческое расширение и усложнение индивидуальности составляет филогенетический аспект. Сходство усиливается еще и потому, что диалектика общего и индивидуального «работает» по принципу дарвиновской эволюции: удачное индивидуальное новообразование поддерживается естественным отбором и закрепляется как общее (новый вид). Аналогичный процесс идет и в обществе: обретение индивидуальности происходит в борьбе с другими индивидуальностями, с противодействием общества и, наконец, в борьбе с природными закономерностями. Таким образом, свобода индивидуального развития превращается в утверждение индивидуальности, а лучшие образцы становятся необходимостью для других, так как общество их унифицирует. В этом смысле становление индивидуальности становится законом развития человека и человечества в целом. Цель человека — развить и утвердить свою индивидуальность, цель человечества — создать механизм для трансформации индивидуального в общее. По А. А. Горелову, таким механизмом выступают две стадии эволюции (у автора «становления». — Т. Г.) индивидуальности — ее *развитие* и *утверждение* (Горелов, 2006: 46). В эволюции индивидуальности выражается стремление человека к превращению его индивидуальности в закономерность в ее идеальной форме вечной закономерности (подобно механизму, действующему в эволюции природы), но в отличие от биологической эволюции здесь явно преобладает духовная составляющая.

Трансцендирование как выход за рамки индивидуальности (в сферу коллективно-бессознательного или сферу Абсолюта) представляет собой специфическое свойство человека, посредством которого он не только постигает смысл жизни и истину бытия, но и устремляется по пути эволюции. В его природе как бы заложено стремление к самому себе, к своей истине с целью преодоления диалектики наших желаний и создания целостного единства личности. Второй особенностью духовного становления личности является то, что человек выражает и утверждает свой дух без сопротивления и насилия над другими. Духовная работа на метауровне не мешает, а скорее помогает другим личностям, так как каждая из них может воспользоваться опытом и знаниями других. Духовный опыт можно умножить, передать, но нельзя отнять — этим он отличается от всего материального. У духовного уровня нет ограничителей, и он почти полностью определяется изнутри индивидуальности — ее устремлениями и возможностями.

«Подлинная ценность человека заключается не в роде или типе, к которому он приближается, а в *исторически единичном* человеке, который не может быть заменен

и замещен» (Ясперс, 1994: 453; курсив источника. — Т. Г.). И хотя, по Л. Н. Толстому, всякий человек живет только затем, чтобы проявить свою индивидуальность, не каждый обладает потенциалом «исторически единичного» человека, а только тот, кто владеет достаточной свободой воли, чтобы в любые моменты жизни предпочитать индивидуальное (поведение, образование, творчество) общему, т. е. фактически идти против всех. Таких людей «длинной воли» Л. Н. Гумилев назвал пассионариями. Одни из них, пассионарии духа — люди, преимущественно развивающие свою индивидуальность, другие, пассионарии тела, больше заботятся об ее утверждении. Люди первого типа интровертны и часто бегут от реальной жизни, поскольку для развития индивидуальности требуется «счастливая тишина». Их типаж — философ, писатель, художник в широком смысле. Творческая воля на основе их развитой индивидуальности создает принципиально новое, чего еще не было в культуре.

Пассионарии тела проявляют внешнюю активность в разных сферах общественной жизни. Их экстравертные типажы намного разнообразнее. «Это ученый. Выразив посредством науки свое стремление к становлению родовой сущности и превращению индивидуальности в закономерность в идеальной форме, человек затем в технике и практической деятельности пытается объективировать его. <...> Это также моралист, бичующий общественные недостатки и учащий других, как правильно жить. <...> Это политик, навязывающий посредством государства и права свою волю обществу, причем государство создает условия, а право конституционно закрепляет насилие и определяет его масштабы. <...> Это и бизнесмен, поскольку <...> личность служит организации <...> из-за возможности повлиять на ее цели в сторону их сближения со своими собственными целями» (Горелов, 2006: 54–60). Как раз на этом втором типе пассионариев виден механизм перехода от индивидуальности к всеобщности: формальная свобода индивидуальности быть раздавленной борется за переход в реальную свободу властвовать над другими, чтобы подчинить их своим интересам и так утвердить свою индивидуальность. «Эти люди, никому не давшие покоя, сами не ведали покоя, будучи подобны смерчам, которые все захватывают своим вращением, но прежде приведены во вращение сами, и потому налетают с такою силою, что сами над собою не властны. Явившись на беду многим, они на себе чувствуют потом ту губительную силу, которой вредят другим» (Сенека, 1977: 229).

Оба указанных типа — проводники и центры кристаллизации эволюционных преобразований. Пассионарии духа «добывают» энергию и новые символы духа, люди второго типа осознают ценность добытого, тиражируют и адаптируют эти символы, чтобы сделать достоянием большинства (гармоничных людей, по Гумилеву), которые отберут нужное и создадут духовный потенциал своей индивидуальности. Существует и четвертый тип — субпассионарный, который живет за счет чужой энергии и не способен к духовному производству. Чем больше таких людей, тем бездуховнее общество.

Индивидуальность как форма задается определенными ограничительными условиями. Универсальное ограничение индивидуальности как части общего существует в любом обществе, потому что изначально она может осуществить свою потенциальность, только овладев в процессе социализации универсальными формами культуры — языком, образом жизни, культурными формами данного времени и т. д. Эти формы не созданы личностью и, возможно, чужды ей. Отсюда парадокс взаимодействия индивидуальности и общества: индивидуальность рождает культуру, но коллективные культурные творения человека противостоят личности и отчуждены от нее,

потому что призваны ее унифицировать. Существуют также ограничения конкретного места и времени, которые можно назвать цензурой индивидуальности. Внешняя цензура выражается в сопротивлении индивидуальным начинаниям со стороны других людей и социума, а внутренняя цензура проявляется в психологических самоограничениях личности — чувстве страха, долга и т. п. Индивидуальность оказывается зажатой в тиски двумя видами цензуры, и сопротивление им становится либо еще одним источником ее энергии, дополнительным к энергии духа, либо ведет к ее истощению и отказу от самосозидания.

Цензура в обществе потребления имеет неосознаваемый и неконтролируемый человеком, но тотальный характер. Такая цензура не только не способствует проявлению гениальности, убивая ее зачатки на всех уровнях воспитания и образования, но и подрывает эволюционный потенциал общественного развития. «Культурный капитализм» отвергает гениальность даже как «штучный продукт». «В глазах представителей элиты духовный продукт приобретает ценность лишь постольку, поскольку становится предметом массового спроса. Непризнанные гении вышли из моды. Их место заняли кумиры и идолы, изготовленные «фабриками грез» (Ерасов, 1996: 412). Стремление к созданию личности подменяется стремлением к успеху. Поэтому доля пассионариев тела, или материальной индивидуальности, в современном обществе существенно выше, чем пассионариев духа. Они в массе воспроизводятся в различных сферах современного общества — в производстве, бизнесе, политике, в мире моды и рекламы, олицетворяя собой зримую подмену духовного строительства стремлением к успеху.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Взгляд на культуру под углом зрения парадигмы индивидуальности отражает взаимодействие двух эволюционных процессов — исторического изменения структуры личности и изменения моделей его описания, осуществляемого философами разных эпох. В человеческой индивидуальности реализуется принципиально новая возможность развития, потому что «духовная жизнь человека есть новый вид жизни» (Лоренц, 1998: 396). Духовная природа индивидуальности рождается из стремления к свободе как атрибуту ее подлинного осуществления. Это стремление проявляется, по крайней мере, в трех измерениях человеческого существования: как воля к жизни (потому что жизнь — предпосылка свободы), как воля к власти (потому что она необходима для выживания) и как воля к творческой самореализации (которая является возможностью оставить свою индивидуальность будущему, т. е. осуществляет бессмертие). Духовное поле жизни организовано так, что рождение качественно нового возможно только в глубине индивидуального духа, поэтому в процессе духовной эволюции должен действовать механизм извлечения, апробации и закрепления духовных достижений человека. Этот диалектический механизм, представляющий собой единство трех указанных измерений свободы, проявляется как тяга к жизни, как борьба и преемственность, как рождение качественно нового. Каждая индивидуальность — поле борьбы: преодолевая давление других индивидуальностей, человек, с одной стороны, ищет дополнение самого себя, а с другой — пытается «освоить» чужую индивидуальность, перерабатывая ее качества в свои. Парадокс динамики индивидуальности заключается в том, что достижение пределов грозит ей уничтожением либо в результате конструирования второго, тождественного себе, «Я», либо в результате расширения собственного «Я» до размеров Универсума.

По аналогии с принципом глобального эволюционизма, принятым современным естествознанием, вероятно, можно говорить о принципе «духовного индивидуального эволюционизма», который описывает передачу индивидуальных наработок личности социуму и культуре. Универсальный эволюционизм — нелинейный самоорганизующийся системный процесс, в котором хаос порождает новый высокоорганизованный порядок. Процессы, характеризующие индивидуальность нашего времени, — расщепление, истощение, дробление — также можно рассматривать как характеристики нестабильности и хаоса, предшествующие бифуркации — системному скачку в развитии или наоборот полному упадку. Промежуточное состояние человечества, образно изображенное Ф. Ницше: «Земной шар стал маленьким, на нем прыгает последний человек, совершая свои мелкие дела: его род неискореним, он подобен блохе; последний человек живет дольше всех» (цит. по: Ясперс, 1994: 158) с позиции духовного эволюционизма индивидуальности, не может продолжаться долго, а сам процесс эволюции не может быть движением «вверх по лестнице, ведущей вниз»: технические достижения ведут к духовной инволюции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антология мировой философии (1969) : в 4 т. / редкол. В. В. Соколов и др. М. : Мысль. Т. 1. Ч. 2. 936 с.

Бодрийяр, Ж. (2012) Прозрачность зла : пер. с фр. 4-е изд. М. : Добросвет ; КДУ. 260 с.

Вейдле, В. В. (2011) Задача России. Минск : Белорусская православная церковь. 512 с.

Горелов, А. А. (2006) Индивидуальность и эволюция. М. : ИФ РАН. 162 с.

Горелов, А. А., Горелова Т. А. (2004) «Расщепленный» человек и идея всеединства // Человек. № 5. С. 39–46.

Горелова, Т. А. (2017) Понятие индивидуальности как социокультурная парадигма (эволюция взглядов) // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 109–123. DOI: 10.17805/zpu.2017.1.7

Ерасов, Б. С. (1996) Социальная культурология : учебник для студентов высших учебных заведений. М. : Аспект Пресс. 591 с.

Лоренц, К. (1998) Обратная сторона зеркала : пер. с нем. М. : Республика. 393 с.

Луман, Н. (2011) Общество общества : в 2 т. М. : Логос. Т. 1, кн. 2. Медиа коммуникации. 640 с.

Макаревич, Э. Ф., Карпухин О. И. (2016) Блеск и нищета массовых коммуникаций. М. : Изд-во АНО «Парламентская газета». 398 с.

Маслоу, А. (2001) Мотивация и личность : пер. с англ. СПб. : Питер. 400 с.

Психические расстройства (2016) [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения. Информационный бюллетень. № 326. Апрель. URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs396/ru/> (дата обращения: 12.01.2017).

Сенека, Л. А. (1977) Нравственные письма к Луцилию / пер., прим. С. А. Ошерова. М. : Наука. 383 с.

Слободчиков, В. И., Исаев Е. И. (1995) Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности : учеб. пособ. для вузов. М. : Школа-Пресс. 384 с.

Слотердайк, П. (2001) Критика цинического разума. Екатеринбург, Изд-во Уральского университета. 584 с.

Соловьев, В. С. (1988) Оправдание добра // Соловьев, В. С. Сочинения : в 2 т. / сост., общ. ред. и вступ. ст. А. Ф. Лосева и А. В. Гулыги. М. : Мысль. Т. 1. 892 с. С. 47–580.

Фромм, Э. (1992) Душа человека : пер. с англ. М. : Республика. 430 с.

Хорни, К. (1995) Наши внутренние конфликты // Хорни, К., Фромм, Э. Психоанализ и культура. М. : Юрист. 624 с. С. 7–190.

Ясперс, К. (1994) Смысл и назначение истории : пер. с нем. М. : Республика. 527 с.

Дата поступления: 12.02.2017 г.

LIMITS OF THE PARADIGM OF INDIVIDUALITY

T. A. GORELOVA

MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES

The article deals with the trends of individuality development in modern society. The author takes into account two meanings of the concept “individuality.” The first meaning is a mechanism, method, possibility of performing an action, the second one implies an aggregate of special qualities and characteristics which distinguish one person from another. Individuality as a mechanism of existence of the modern person is subject to influence of splitting tendencies. Human individuality, while disintegrating, shows malignant splinters of “not reunited” whole — instinctive aggression, abstract sensuality and abstract rationality. A surge of aggression is related to the fact that the spiritual system of prohibitions stops operating; rational liberation of mind leads to its converting into “cynical mind”; the result of abstract sensuality is an uncontrollable will to rule, consumerism and sexuality. Disintegration of the kernel of individuality in relationships with other people manifests itself as a neurotic split, whereas in culture, it implies the disappearance of the system of values, and this crushing and mixing of genres result in complete disappearance of cultural spheres.

In the second meaning the concept of individuality is close to the concept “personality”. Following the ideas of A. Maslow, the author supposes that personality is formed by the set of one’s needs; in the process of their satisfaction the outlook on world, capabilities, emotional reaction change. And therefore, the “Hierarchy of Needs”, which includes six levels: physiological, existential, social, prestigious, spiritual, and the level of metaneeds, can form the structural basis of individuality. The correlation of the general and individual on every level is a dynamic characteristic, as it is sensitive to both internal and external influences. Two tendencies, reflecting the growth of the individual constituent as compared to the general one, are revealed. The first tendency of these dynamics is the growth of individual qualities on all levels, as in the process of social evolution of man diversification of external conditions of life was observed. The second tendency of individualization operates within the system of personality: from the lowest, physiological level to the top, spiritual level the share of the individual increases both in potency and in reality.

The structure of the levels of personality allows the reader to see the evolutionary aspect of the dynamics of individuality. The mechanism of its evolution reveals itself in two stages — the development and self-actualization of individuality. In this mechanism a man’s aspiration to convert their individuality into consistency in its ideal form of eternal consistency (similar to a mechanism, operating in the evolution of nature) is expressed.

Keywords: man; individuality; personality; instinctive aggression; abstract rationality; abstract sensuality; hierarchy of needs; development; evolution

REFERENCES

- Antologiya mirovoi filosofii* (1969) : in 4 vol., V. V. Sokolov et al. (eds.). Moscow, Mysl'. Vol. 1, Part 2. 936 p. (In Russ.).
- Baudrillard, J. (2012) *Prozrachnost' zla*, transl. by Fr. 4nd eds. Moscow, Dobrosvet, KDU. 260 p. (In Russ.).
- Veidle, V. V. (2011) *Zadacha Rossii*. Minsk, Belorusskaia pravoslavnaia tserkov'. 512 p. (In Russ.).
- Gorelov, A. A. (2006) *Individual'nost' i evoliutsiia*. Moscow, IF RAN. 162 p. (In Russ.).
- Gorelov, A. A. and Gorelova T. A. (2004) «Rasshcheplynni» chelovek i ideia vseedinstva. *Chelovek*, no. 5, pp. 39–46. (In Russ.).
- Gorelova, T. A. (2017) Poniatie individual'nosti kak sotsiokul'turnaia paradigma (evoliutsiia vzgliadov). *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 1, pp. 109–123. DOI: 10.17805/zpu.2017.1.7 (In Russ.).
- Erasov, B. S. (1996) *Sotsial'naiia kul'turologiia* : a textbook for students of higher educational institutions. Moscow, Aspekt Press. 591 p. (In Russ.).
- Lorenz, K. (1998) *Oborotnaia storona zerkala*, transl. by Germ. Moscow, Respublika. 393 p. (In Russ.).
- Luhmann, N. (2011) *Obsbchestvo obsbchestva* : in 2 vol. Moscow, Logos. Vol. 1, book 2. Media kommunikatsii. 640 p. (In Russ.).

- Makarevich, E. F. and Karpukhin O. I. (2016) *Blesk i nishcheta massovykh kommunikatsii*. Moscow, ANO «Parlamentskaia gazeta» Publ. 398 p. (In Russ.).
- Maslow, A. (2001) *Motivatsiia i lichnost'* : transl. by Engl. St. Petersburg, Piter. 400 p. (In Russ.).
- Psikhicheskie rasstroistva (2016). *Vsemirnaia organizatsiia zdravookbraniia*. Informatsionnyi biulleten', no. 326. April [online] Available at: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs396/ru/> (access date: 12.01.2017). (In Russ.).
- Seneka, L. A. (1977) *Nravstvennye pis'ma k Lutsiliu*, transl., notes S. A. Osharov. Moscow, Nauka. 383 p. (In Russ.).
- Slobodchikov, V. I. and Isaev E. I. (1995) *Osnovy psikhologicheskoi antropologii. Psikhologiya cheloveka: Vvedenie v psikhologiiu sub'ektivnosti* : textbook for high schools. Moscow, Shkola-Press. 384 p. (In Russ.).
- Sloterdaik, P. (2001) *Kritika tsinicheskogo razuma*. Ekaterinburg, Ural'skii universitet Publ. 584 p. (In Russ.).
- Solov'ev, V. S. (1988) *Opravdanie dobra*. In: Solov'ev, V. S. *Sochineniia* : in 2 vol., comp., ed. and introductory article by A. F. Losev and A. V. Gulygi. Moscow, Mysl'. Vol. 1. 892 p. Pp. 47–580. (In Russ.).
- Fromm, E. (1992) *Dusha cheloveka*, transl. by Engl. Moscow, Respublika. 430 p. (In Russ.).
- Horney, K. (1995) *Nashi vnutrennie konflikty*. In: Horney, K. and Fromm, E. *Psikhoanaliz i kul'tura*. Moscow, Iurist. 624 p. Pp. 7–190. (In Russ.).
- Jaspers, K. (1994) *Smysl i naznachenie istorii*, transl. by Germ. Moscow, Respublika. 527 p. (In Russ.).

Submission date: 12.02.2017.

Горелова Татьяна Анатольевна — доктор философских наук, профессор кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: +7 (499) 374-55-11. Эл. адрес: fylosofy@mosgu.ru

Gorelova Tatyana Anatolievna, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Culturology and Politology, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation 111395. Tel.: +7 (499) 374-55-11. E-mail: fylosofy@mosgu.ru